

Книги Алексея Абвова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ЦИФРОВАЯ ПРОПАСТЬ. ШАГ ПЕРВЫЙ
ЦИФРОВАЯ ПРОПАСТЬ. ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК
ЦИФРОВАЯ ПРОПАСТЬ. ЗАКРЫТЫЕ ГОРИЗОНТЫ

АЛХИМИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ АБВОВ

АЛХИМИК

РОМАН

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А13

Серия основана в 1992 году
Выпуск 913

Художник
В. Федоров

Абвов А.

А13 Алхимик: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 409 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1794-0

Если ты не ищешь приключений, то они запросто могут найти тебя. Идешь куда-то по своим делам, и раз — оказываешься в другом мире. А миры встречаются разные. Есть обычные, где все решается исключительно голой физикой и техникой, есть магические, где некоторые разумные могут усилием воли влиять на окружающую реальность. Здесь очень много интересного найдется для неслучайного попаданца из нашего мира. Эльфийские леса, Гномьи горы, радиоактивные зоны атомных аварий, откуда сталкеры таскают неведомые артефакты и прочий хабар. Что, последнее явно не из той оперы и подобного никак не должно быть в магическом мире? Ничего не поделаешь, тот мир оказался весьма странным. Эльфов в нем нет, гномов тоже никто давненько не видел, а вот искатели, шастающие в Смертные Земли, иногда попадают. И если хорошо поспрашать у местного торговца оружием, можно совсем недорого разжиться потертым «калашом». А виноваты во всем этом безобразии всякие пришельцы, страстно мечтающие вернуться домой.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1794-0

© Алексей Абвов, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ПРОЛОГ

*Где-то в огромном замке, одиноко
стоящем посреди бескрайнего зеленого леса*

Обрывки фраз на незнакомом языке, отдаленно напоминающие молитвенный речитатив. Шумы, шорохи, шаркающие шаги по каменной лестнице, ведущей куда-то далеко вниз.

В маленькую камеру с очень холодным воздухом, немного поевившись, вошел статный черноголовый мужчина с окладистой бородой, в белой одежде. Поежившись еще раз, брезгливо пнул ногой заросшего седыми всклокоченными волосами старика, лежащего на полу, покрытом прелой, давно несменяемой соломой. Несмотря на окружающий холод, замерзшим тот не был, хотя вообще выглядел действительно неважно. Долгие годы пребывания в столь неудобном подземелье никого особо не украсят. От шеи пленника тянулась тонкая золотистая цепь к кольцу, вбитому в каменную стену камеры.

— Зачем ты снова пришел, Усива? — Старик поднял свои пустые глазницы в сторону посетителя. — Неужели вы сами до сих пор не чувствуете дыхания Его Воли?

— Так скажи нам, ничтожным, ты, Слышащий Глас, кто в этот раз восстанет против Вековой Традиции?

Мужчина в белом презрительно шурился на пленника, но внутри лишь пытался за этой маской скрыть леденящий душу страх. Страх, который поселился в его сердце с момента, когда он впервые реально почувствовал сущность, которой выбрал служить.

— Придет новый Алхимик по следам первого, и в этот раз вы его не остановите... — Губы старика растянулись в улыбке, а лицо мужчины в белом исказил больше ничем не скрываемый ужас.

Глава 1

ПОПАЛ, ОДНАКО

«Я умер и оказался в аду», — прорывая невыносимую боль, пробилась одинокая мысль. Точно в аду, и дышать невозможно из-за серной гари. Масло у чертей там на сковородке подгорело, что ли? И почему тогда боль идет сразу со всех сторон моей тушки, ведь поджаривать-то должны только с одной? Странные какие-то посмертные мысли, однако.

Попытка пошевелиться не дала ровным счетом ничего, а боль только усилилась. «Что ж, если все же еще чуть-чуть жив, то хоть позвоночник не сломан, — пробилась в сознание позитивная мысль. — Блин, доигрались, доэкспериментировались, умники недобитые». Последнее, что помню из своих жизненных переживаний, — яркую, беззвучную вспышку на месте четвертой лаборатории, потом какая-то чрезвычайно холодная волна сшибла меня с ног, и наступила темнота. Следом пришла боль, от которой можно сойти с ума, но, так как я уже мертв, это совсем не принципиально. Говорят, и к адскому пламени можно постепенно привыкнуть, все равно впереди целая вечность. Впрочем, мои мучения оказались совсем недолгими, вновь и вновь проваливался в спасительное забытие, и адское пламя на какое-то время отступало, дабы вскоре вернуться с новой силой.

Пульсирующая боль оказалась немного разбавленной ощущением чьего-то близкого присутствия. Если поверить остаткам прежних чувств — меня куда-то тащат за ноги и за руки. И делают это, судя по всему, достаточно аккуратно. Неужели все-таки дождался спасателей? Как хорошо почувствовать себя вновь живым. Может, это всего лишь гал-

люцинация, но... Слабый толчок — и резкая волна сокрушающей боли опять опрокидывает меня в темноту беспомощности.

Голоса. Странные голоса, бла-бле-блуд-блюд... бу-бу-бу... ничего невозможно понять. Ни на один из известных мне языков они не похожи. И даже звуки этих голосов непривычны, нет ни рычащих, ни шипящих, даже зудящих не слышно. Но вот горячая эмоциональность в голосах чувствуется. Двое о чем-то оживленно спорят или, вернее, ожесточенно торгуются, и им иногда в тон поддакивает третий голос. Боль уже вполне можно терпеть, только вот пошевелиться не получается. И здесь не воняет смрадной гарью, зато благоухает давно нечищенным отхожим местом. Явно совсем не городская больница, куда, по идее, меня должны были бы доставить спасатели. Интересно, куда же я попал-то?

В очередной раз прихожу в себя от того, что кто-то пытается влить мне в рот отвратительную по горькости и прочим вкусовым качествам жидкость. Хинин, считающийся эталоном горькости, по сравнению с этим пойлом — так, всего лишь легкая приправа к джину и тонику. Не в силах сопротивляться, проглатываю — и опять едва не проваливаюсь в темноту. Растекающаяся по телу боль продолжает часто пульсировать, но ее уже можно постепенно вытеснить из своего сознания, как учили нас на тренировках. Титаническим усилием воли открываю глаза и замечаю слабый луч света, падающий откуда-то сбоку. Пару минут еще прихожу в себя, прежде чем собираюсь осмотреться вновь. Шевелить головой даже и не пытаюсь (знаю — бесполезно), однако в поле зрения ничего примечательного не попадает. Судя по всему, нахожусь где-то на сеновале, рядом с тем самым благоухающим нужником. Или в самом нужнике, устроенном на старом сеновале, — по запаху и не отличишь. Боже, ну за какие грехи мне выпали столь странные адские муки, еще бы понял пляшущих чертей с вилами и котлы с кипящей смолой, а тут не жизнь и не смерть, как у того самого кота Шредингера, сидящего в черном ящике в ожидании

незнамо чего. Стоило заметить, усилия воли постепенно давали желанный результат — боль стала постепенно спадать, превращаясь в тягучую слабость, и я, похоже, просто уснул, а не провалился в зыбкое небытие, как все прошлые разы.

Бу-бу-бу... — опять кто-то стоит надо мной и что-то пытается говорить. Или он просто говорит себе под нос, что-то делая с моим многострадальным телом? Похоже, второе. Очередная попытка пошевелиться ни к чему положительному не привела, но и резких болевых всплесков тоже не последовало. Можно сказать — иду на поправку, если медленно не подышаю, благополучно не ощущая постепенного отмирания болевых рецепторов. Время вскоре покажет. Опять в горло вливают гадостный отвар, который быстро погружает в сон.

Глава 2

СОН

Небо. Удивительное звездное небо с мириадами искрящихся огней в вышине. Яркие звезды чарующе манят к себе, и стоит только легко оттолкнуться от земли и взлететь ввысь, приблизиться к этим далеким огням и обрести долгожданный вечный покой среди них... Стоит лишь сделать-ся немного легче воздуха. Так просто — всего лишь оттолкнуть лишние молекулы газа вокруг себя, создав сильное разрежение за мембраной внимания. Это же сон, в нем все можно, важно лишь хорошо захотеть.

Слабый толчок — и вот я уже лечу к далеким звездам, медленно устремляясь в ночную высь, поднимаясь все выше и выше. Вокруг становится холоднее, холод постепенно сковывает мое призрачное тело, но сознание продолжает стремиться дальше. Еще чуть-чуть поднажать, отталкиваясь живой волей от далекой поверхности, надо только набрать побольше скорости — и вырваться наконец-то из этого суетного мира, обретя свое последнее истинное желание. Но прозрачный купол небес не пропускает меня. Со всей силой ударяюсь о призрачный свод и стремительно лечу вниз.

Едва открыв глаза, понимаю, что действительно упал откуда-то сверху. Всюду разбросан какой-то мусор, палки, рваные тряпки, гнилое сено, а сверху, в проломе бывшего потолка, сияет то самое далекое звездное небо, к которому я так стремился в своем странном сне. Вокруг царит пронизывающий холод — прямо как там, в недоступной небесной вышине. Даже белая искрящаяся изморозь вокруг высыпала. Ого, да у меня, оказывается, получается пошевелиться! Преодолевая сковывающий холод и парализующую слабость, ощущаю движение пальцев рук и ног, сдвигаю вбок голову, чтобы лучше осмотреться. В этот момент меня окружают какие-то люди в темной одежде, со светящимися в руках небольшими предметами. Пытаюсь разглядеть их и с удивлением понимаю, что это один и тот же бородатый мужчина с каким-то странным фонарем в руке, во множестве своих иллюзорных копий. Он протягивает в мою сторону руку, и я опять резко проваливаюсь в забытие, как от удара чем-то тяжелым по голове.

Последующее возвращение к реальности, по сравнению со всеми предыдущими, оказалось на редкость приятным. По крайней мере, боли уже не было, разве только ее далекие фантомные отголоски. Да и сама атмосфера окружающего места оказалась заметно лучше предыдущей. Сортирного смрада не ощущалось, мое тело лежало на низкой деревянной лавке, а голова покоилась на самой настоящей подушке, плотно набитой какой-то приятно пахнущей травой. Однако и поводов для оптимизма тоже как-то совсем мало — руки и ноги крепко связаны, а тело притянуто к лежаку парой ремней. То есть при всем желании я никак отсюда не сбегу и даже не улечу, разве только вместе с самой лавкой. Интуиция подсказывала — это никак не получится, причем не получится именно тут, а не вообще. Странные такие ощущения, новые и непонятные. Сон — не сон, явь — не явь, мура какая-то. Хотя я и «рожденный ползать», но полеты во снах преследовали меня с раннего детства. В отличие от некоторых других, я не мог в полной мере насладиться ими, всегда сильно пугался, просыпаясь в холодном поту.

А сейчас вообще не разобраться, где тут сон, а где явь. И почему мне вдруг так сильно захотелось улететь в звездное небо и остаться там навсегда?

Делать было абсолютно нечего, а потому занялся неспешной ревизией организма, полагаясь на свои чувства. Если отбросить всякие странности, творящиеся с головой, можно уверенно сказать — здоровье удовлетворительно, могу уже нормально передвигаться, если меня милостиво согласятся развязать. Силенок, понятно, еще маловато, но это дело поправимое. Кстати, желудком изнутри вспоминаю — последний раз что-то ел еще до своей «смерти». А в этом «аду», похоже, пища явно не в моде. Не принято тут кормить грешников. Хотя нет, чем-то ведь меня поили. Гадость знатная, помню. Да и организм говорит, что в нем присутствует некоторое количество излишней жидкости, от которой стоит при первой возможности избавиться. Пока еще терпеть можно — все же лежать в мокроте не самое приятное дело. Итогом — записываю себя в условно-выздоровливающие, правда, пока не определяя однозначно, хорошо это или не очень. Судя по тому, как меня надежно связали, есть что-то такое, о чем непременно узнаю через некоторое время. Совсем не факт, что это мне понравится. Но если бы хотели убить — могли это давно сделать, а так есть надежда на немного лучший исход. Мало ли какой подарок приготовила мне судьба-злодейка.

Когда уже порядком поднадоело копать в своих ощущениях, тихо скрипнула петлями дверь. Надо мной склонился пожилой мужчина с длинной седой бородой и совершенно лысым черепом, внимательно рассматривая мою многострадальную тушку. Заметив мое пребывание в сознании, он явно что-то спросил, судя по тону его голоса. Я абсолютно ничего не понял из его бубнения. Он повторил свой вопрос еще раз.

Я попытался лишь пожать плечами, показывая глубину своего непонимания, даже не рассчитывая на правильную ответную интерпретацию своего знака. Однако знак был воспринят относительно верно, так как бородач повторил

свой вопрос на другом языке, хотя и очень похожем на первый. И опять обломался. Другой язык мне также не был знаком. Но это его не смутило, так как он начал перебирать подряд другие языки, сильно похожие друг на друга. Конечный же результат от этого ничуть не изменился. Ни один из языков я так и не смог опознать. Даже их звучание отличалось от всех известных мне. Отсутствие нескольких привычных согласных уж очень сильно бросалось в уши. Да и формирование слов из отдельных звуков отдаленно не походило даже на китайский язык, слышать который мне иногда приходилось. Единственно понятными моментами речи были интонации, очень хорошо сочетавшиеся с проскакивающими на лице мужчины эмоциями. Немного подумав над тем, о чем вообще можно в подобной ситуации спрашивать, решил просто назвать свое имя.

— Виктор... — тихо прошептал одними губами, немного покивав.

— Блу бую люб си? — встрепенулся седобородый мужчина, повторяя свой первый вопрос.

— Виктор, я Виктор, так меня зовут, — попробовал показать пальцем руки на себя, хотя ремни, связывающие руки, и мешали это сделать.

Бородач меня определенно понял, хоть и сильно удивился.

— Вииктолс, Виюктис... — попытался произнести он мое имя, но звук «Р» для него был явно совершенно непривычным. — Юб сю ам, тим ти си? — Вновь он о чем-то меня спрашивал.

Но тут я уже не мог понять, чего ему от меня нужно, и опять недоуменно пожал плечами. Безрезультатно позадавав мне еще несколько вопросов, мужчина протянул ко мне свои руки, от манипуляций которых возникло легкое жжение в голове, а в комнате ощутило потянуло холодком. Больше вроде как ничего не произошло. Бородач был явно чем-то озадачен и принялся ходить по комнате взад-вперед, периодически теребя себя за бороду, потом тихо буркнул себе под нос какое-то короткое ругательство — и оставил меня в одиночестве.

Через некоторое время вновь скрипнула дверь, и ко мне склонился совсем молодой подросток с длинным красным шрамом, грубо пересекающим юношеское лицо. Он немного ослабил удерживающие ремни, стягивая с меня штаны и подкладывая под меня нечто, явно служащее медицинским судном. Намек понятен — значит, не будем строить из себя неизвестно кого, крепясь из последних сил. После того как «медбрат» унес результаты облегчения, зашла совсем маленькая девчушка, взявшаяся кормить меня деревянной ложкой. Еды опознать мне не удалось ни по вкусу, ни по запаху — немного сладковатая, немного солоноватая жидкая каша с какими-то незнакомыми приправами. Однако желудок отнесся к ней весьма благосклонно, принимая ее как ту самую «манну небесную». Ну да, сколько же дней не ел-то, собственно. Каши оказалось немного, впрочем, после нескольких дней болезненной голодовки много и нельзя, а потом в меня силой опять влили ту горькую гадость, от которой быстро провалился в сон с явно позитивной мыслью: «Несмотря на все странности и непонятности, жизнь, кажется, постепенно налаживается».

Следующее возвращение в реальность совсем не доставило особо приятных переживаний. Боли не было, но буквально вся поверхность кожи нестерпимо чесалась, отчего я и проснулся. Приподняв голову и оглядевшись, увидел и причину этой злостной чесотки. Одежду с меня как-то стянули, а все тело обмазали какой-то серо-зеленой скользкой дрянью. Да, от лавки так и не отвязали, хотя пут стало немного меньше. Скованными оставались лишь руки и ноги, да два ремня притягивали тело к жесткому ложу. И связывали меня с явным знанием дела: ни руки, ни ноги не затекли от пережима кровеносных сосудов, однако стоило пошевелиться в рефлекторной попытке почесаться — как путы затягивались тугими узлами, доставляя большие неудобства. Такая конструкция оказалась мне вполне знакомой, я ведь не какой-то там «ботаник» — ученый-физик в недавнем прошлом, но еще и инструктор по тому, что некоторые, по незнанию или заблуждению, называют «боевое самбо»,

плюс «неплохой специалист» по охране режимных объектов. До «хорошего специалиста», впрочем, тоже еще не дорос, однако свое дело знал. И о том, как надо правильно поступать с пойманными нарушителями охраняемого периметра, чтобы сдать их следственной бригаде в целостности и сохранности, всяко знаком. Доводилось даже практиковаться пару раз, когда некоторые особенно предприимчивые граждане решили прихватить, по их мнению, плохо охраняемое армейское имущество, содержащее много цветного металла. И при задержании эти горе-предприниматели отчаянно сопротивлялись, явно полагая в нас своих потенциальных конкурентов, подошедших отнять их законную добычу.

Вообще кому-то может показаться странным такое неожиданное сочетание трудносовместимых компетенций в одном человеке, но с моей жизнью много чего странного происходило, особенно в последние годы. Судьба любит подкидывать неожиданные сюрпризы, знаете ли. Да, по первой своей профессии я действительно ученый-исследователь. Физика, химия, математика, электроника и вычислительная техника — это все мое, и любовь и страсть практически с самого детства. Вырос в закрытом городке при военном заводе, где работали мои родители, и развлечений для детворы там было не так уж много. Зато хватало технических кружков, где молодой поросли пытались привить любовь к науке и технике. Для тех, у кого вся сила пошла исключительно в рост, имелись спортивные секции, но я всегда хотел разобраться в том, как реально устроен наш мир, после того как бабушка сильно напугала меня своими сказками про злого Бога, Рай и Ад с ангелами и чертями. Уже тогда мне в эти самые сказки верить категорически не хотелось. Но и школьная программа не давала всей полноты понимания мироздания, лишь серьезно раззадорив мое любопытство. В результате к своим тридцати восьми годам имею два высших образования, некогда даже подумывал над получением третьего. И поначалу был весьма удовлетворен своей работой в закрытом исследовательском центре. С тем, что мы там исследовали, в открытых лабораториях не работали нигде в мире, своя специфика, повернутая на бе-

зопасности и секретности. Я имел свою персональную лабораторию, десяток человек в подчинении, несколько тем весьма перспективных исследований и был вполне доволен жизнью, пока не произошла трагедия. Очередная экспериментальная установка пошла вразнос, и, несмотря на все защитные системы, при взрыве погибли два лаборанта плюс пострадали еще трое. Мне самому тоже неплохо прилетело — пару месяцев пришлось провести на больничной койке. Вот не могло ничего такого произойти, все было тщательно просчитано несколько раз, не цветочками занимались как-никак, однако произошло. Лишь после выхода из больницы мне удалось установить истинные причины аварии, которые совсем не зависели от человеческого фактора, просто так сложились объективные обстоятельства. Наука иногда требует человеческих жертв — тут ничего не попишешь, приходится принимать это как данность. Хотя моей непосредственной вины во всем происшедшем и не было, но из меня, в итоге долгих разбирательств, сделали крайнего. Пока я валялся в больнице, сращивая переломы и маясь от вынужденного безделья, мои темы исследований подобрали завистливые коллеги-конкуренты, лабораторию после ремонта тоже передали другим людям, а мне вообще предложили заняться преподавательской работой и больше не лезть в науку. Рука у тебя, мол, несчастливая. Гады! Был бы пьющим — после такого ушел бы в продолжительный запой. Уехал бы за границу, но... подписка о невыезде. На нее тоже можно забить, благо уже не такая секретность, как была раньше, и особого рвения от службы безопасности можно не ждать. Но совесть-то не обманешь, да и начинать с нуля на новом месте тоже не хотелось. Впрочем, главным моментом оказалось простое понимание — опять придется долго работать на чужого дядю, да еще против своего народа в ближайшей перспективе. Нет, такого «добра» мне совсем не хотелось.

Ушел в длительный отпуск, собрав накопленные пропуски за предыдущие годы, съездил на юг, где умудрился влипнуть в курортный роман с последующими страданиями от неизбежного расставания, ибо моя «скороспелая лю-

бовь» категорически не желала расставаться со своим богатым мужем. Отдыхать мне быстро надоело, море больше не радовало, периодические интрижки со скучающими дамами, в которые я ввязывался с целью забыть свою недавнюю «любовь», вызывали лишь стойкое раздражение. Очень хотелось вернуться в свою лабораторию или создать где-либо новую, благо перспективных идей для исследований в моей голове хватало. Вернувшись обратно, стал обходить и обзывать старых знакомых еще по учебе в первом институте в поисках перспективных мест через их связи. Но бывшее руководство изрядно подпортило мне репутацию из-за моего слишком прямолинейного характера и полного нежелания кому-либо лизать начальственный зад, а потому меня никто не хотел к себе брать. Разве только с сильным понижением статуса, чуть ли не простым лаборантом и без особых перспектив.

Помыкавшись пару месяцев туда-сюда, заехал в закрытый городок при исследовательском центре — требовалось забрать свои вещи из занимаемой должностной квартиры. Была тогда мысль плюнуть на всю эту мышиную возню, науку, бывших коллег и вообще уехать в деревню, где заняться разведением кроликов. Один старый приятель, узнав о моих проблемах, звал к себе в Белоруссию. Там большой колхоз, плодородная земля и много работы для настоящего мужика, у кого руки растут из правильного места. Дом и хозяйство за счет колхоза практически сразу — не надо ни о чем лишнем думать, только работай. Приехав за вещами, по пути от КПП (контрольно-пропускного пункта) как бы случайно столкнулся с начальником службы безопасности всего научного комплекса. Он хоть и был полковником очень интересной организации, но при этом оставался вполне нормальным мужиком. Не то чтобы мы с ним были до этого особо дружны — так, иногда пересекались, но он меня знал гораздо лучше, чем я его. Должность у него такая — все знать про всех что-либо представляющих собой работников исследовательского центра. Поздоровались, слово за слово, зашли в местную столовую немного поговорить о жизни за чашкой чая. Вот он и предложил тогда перейти под его на-

чало, возглавив «технический отдел» его службы. Мол, сапог у нас тут и без тебя хватает, а вот мозги нынче в большом дефиците, если процитировать его главную мысль в том разговоре с некоторыми сокращениями, оставив главный смысл. Несмотря на отчаянное сопротивление с моей стороны, он все же уговорил поработать на него хотя бы пару месяцев, наладив систему контроля, с которой пару лет не могут справиться его непосредственные подчиненные. И дальше продолжал меня регулярно соблазнять, показывая перспективы возвращения к научным работам лет через несколько плюс кое-что еще. Ну как можно отказаться от замечательной возможности — совершенно открыто шпионить за всеми бывшими коллегами, которые так некрасиво со мной поступили. Особенно если они об этом прекрасно знали, но не могли ничего поделать: безопасность — штука серьезная и с государством в лице полковника особо не поспоришь. Понятное дело — не просто так шпионить, а докладывать новому начальству обо всем, чем там эти «умники» активно занимаются за государственные деньги. Короче, полковнику был нужен реально компетентный в науке специалист под его непосредственным началом, а тут как раз я ему под руку и подвернулся. Случайно или нет — тогда как-то и не задумался. Может быть, и напрасно. Как из младшего лейтенанта запаса, кем я был до возвращения в армию, сделали прапорщика — это другая очень смешная история, которую поймут только те, кто служил в армии. Вот так я стал служить там, где раньше работал.

В техническом отделе служба оказалась весьма непростой. Системы контроля периметра, системы допуска персонала и наблюдения — все это ерунда. Один раз наладили, благо там действительно ничего особо сложного, и с тех пор работает как надо. Проверять время от времени, меняя выслужившее свой гарантийный срок оборудование — и все. Шпионские дела тоже много времени не отнимали. Реальная научно-исследовательская работа — дело весьма неспешное. Один серьезный эксперимент где-то раз в месяц, а остальное время сплошное марание бумаги и стирание кнопок на компьютерных клавиатурах. А потому, видя слоняю-

щегося от безделья по территории комплекса руководителя технического отдела, начальник решил сделать из меня настоящего вояку, уж даже не знаю, чем ему тогда так угодил. Короче, меня, как последнего молодого салагу, заставили бегать марш-броски, нарезая круги по охраняемой территории в полной выкладке, стрелять из различного оружия, имеющегося в местном арсенале, захватывать диверсантов и много чего еще, чем по идее занимается служба охраны всяких закрытых объектов, имеющая непосредственное отношение к «конторе». Сначала было очень трудно, и уже не один раз подумывал послать всю эту армейскую муть куда подальше, благо контракт позволял относительно безболезненно разорвать его, но потом постепенно втянулся. И даже стало нравиться. Много хорошей еды, регулярные физические упражнения, борьба, стрельба, прочая специальная подготовка только проясняли мои мысли. Больше всего нравилась борьба. Во время тренировок освобождал свое тело, раскрывая рефлексy, уходил в транс и мог думать над сложными научными вопросами. Это получалось даже легче, чем раньше, когда занимался научными экспериментами. А теперь, когда имел непосредственное представление сразу обо всех исследованиях, ведущихся в нашем комплексе, потихоньку мне удавалось приблизиться к своей давней мечте — пониманию истинного устройства мира. Хоть до этого казалось еще очень далеко, но я уже твердо знал, как постепенно прийти к своей цели. Во время напряженных тренировок мне приходили весьма странные мысли о призрачности всего материального и о том, что моя мысль может непосредственно на этот мир как-то повлиять. Только собери всю свою волю в один кулак — и сжимай упругое мироздание в форму, какую тебе надо, оно обязательно поддастся напору чистого разума. Еще чуть-чуть знаний, чуть-чуть тренировок — и все обязательно получится.

Год назад все же вытащил на приватный разговор полковника, сразу после горячей бани задав ему вопрос в лоб — зачем он меня так гоняет. На что тот лишь усмехнулся и с расслабленной улыбкой спросил:

— Виктор, а кем ты себя сейчас считаешь — «ботаником» или?..

А на мое невнятное мычание в безуспешных попытках с кем-то определенно идентифицироваться заметил:

— Вот видишь — как раз то самое «или». Ты же уже не считаешь «ботаников» своими коллегами, и их клановые интересы для тебя ничего не значат. Скажи, если бы я не гонял тебя со своими бойцами, стал бы ты таким сильным, понимающим не только исключительно в своей науке, но и в настоящей жизни?.. Нет. Так бы и остался еще одним «обиженным умником», каких хоть бочками засаливай. Зато теперь, наблюдая, как ты ловко раскидываешь моих ребят в зале, я за свой «первый отдел» уже не беспокоюсь, ты прекрасно справляешься со своими дополнительными задачами, даже без понуканий с моей стороны.

В общем, раскрыл он мне тогда глаза окончательно, популярно объяснив психологические особенности причисления индивидом себя к какой-либо социальной группе и неосознанного следования групповым интересам. Через физические упражнения и боевую подготовку он сместил все мои прежние ориентиры самоидентификации, и теперь мое восприятие своих бывших коллег перешло от обычной обиды к классовому противостоянию между охраной и охраняемым. Но при всем этом я прекрасно сохранил все особенности восприятия настоящего ученого, что позволяло видеть в том числе и ту информацию, которую сама ученая братия собиралась утаить от недремлющего государственного ока. Регулярно выводить их на чистую воду доставляло мне огромное удовольствие. А какое наслаждение вызывали их натянутые улыбки при моем появлении.

И вот через пять лет такой интересной службы и случилась эта крайне неприятная неожиданность, зашвырнувшая меня куда-то далеко-далеко, как бы не в иной мир, судя по всему наблюдаемому вокруг себя. Можно твердо сказать — это моя реальная недоработка, прошляпил что-то действительно опасное и не подстраховал ученых со своей стороны. Вот только на тот день ничего особенного совершенно не планировалось, самая обычная рутинная текучка,

никаких экспериментов с задействованием больших энергий. Опять непонятным образом сложились обстоятельства или кто-то специально устроил диверсию? Интересно, что же такое произошло с лабораторным комплексом и кто, кроме меня, там выжил?

Мои недолгие воспоминания о себе самом в бесперспективных попытках почесаться прервало появление седого бородача. Тот внимательно посмотрел на меня, недовольно что-то бормоча себе под нос, и достал из кармана какую-то странную штуку. Больше всего она напоминала своеобразное женское украшение, состоящее из упругой дуги низкой короны и сети тонких золотых цепочек, в пересечении которых вставлены небольшие драгоценные камни. Опять внимательно посмотрев на меня, мужчина приладил на мою голову это самое украшение и что-то на нем сильно нажал. Виски резко вспыхнули острой болью, которая вскоре сменилась приятной прохладой. Даже тело чесаться перестало.

— Теперь ты меня хорошо понимаешь, искатель? — сказал бородач на своем языке, однако почему-то я его прекрасно понял.

Хотел утвердительно ответить, но это было явно лишнее, так как мой собеседник удовлетворенно кивнул и продолжил говорить:

— Я — Повелевающий мудростью Питисиниус Асиус. Это полное имя, но ты можешь обращаться ко мне просто Питс или Повелевающий, так как мы вроде бы с тобой даже коллеги, хоть ты и проклятый алхимик, сила в тебе нечиста, если я все правильно понял. Твое мерзкое имя я уже знаю, но ты больше никому его не говори, ибо оно совершенно непригодно. Теперь тебя все будут называть Витос — запомни это раз и навсегда, если хочешь тут выжить.

Мне ничего не оставалось, как утвердительно кивнуть: все равно, с одной стороны, соображая, о чем идет речь, не до конца понимал сути сказанного. Общий смысл сообщения ускользал от меня, и вопрос моего имени тут явно был далеко не самым актуальным.

— Так вот, прежде чем ты получишь некоторую свободу действий, — продолжил после небольшой задумчивой паузы бородач, — жду подтверждения своего долга жизни на огненной клятве. Ты ведь понимаешь, что тебя вернули из-за грани небытия? Вижу, понимаешь — это хорошо. И еще — я выкупил, кроме тебя самого, все твои вещи, которые притащили искатели вместе с тобой. Хоть там практически ничего ценного и нет, разве только нож интересной формы, тем не менее потратился знатно. Потому твой долг жизни и все расходы оцениваю в три дюжины дюжин золотых сиунов. Подтверждаешь ли ты мне согласие выплатить этот долг? — К последней фразе голос мужчины заметно окреп, а в комнате явственно похолодало, и вновь зачесалось внутри головы.

Хотя у меня и возникло явное ощущение, что меня просто «конкретно разводят на бабки», причем на «конкретные бабки», но особо спорить почему-то совсем не хотелось. Пусть и ощущал заметное давление на мою волю, однако все сказанное мне сейчас так или иначе было правдой, которую хотелось просто признать. Да — меня спасли, говорят, даже вещи сохранили, а там, знаете ли, много полезного имелось, особенно в здешних совершенно непонятных условиях. Только бы освободили руки и дали добраться до оружия. И потому против какого-то там «долга жизни» возражать не хотелось. Вместо разумных доводов о том, что, мол, я вообще-то никого не просил меня спасать и сам бы со временем оклемался, захотелось просто немного поторговаться, просто для некоторого приличия, как это ни странно.

— Полторы дюжины дюжин, — нагло ответил ему, удивляясь тому, как легко говорю совершенно незнакомые мне слова и прекрасно понимаю смысл сказанного при этом.

Повелевающий мудростью несколько опешил от таких дерзких слов, видимо ожидая совершенно безусловного подчинения, резко дернув своей длинной бородой, но потом расплылся в широкой улыбке.

— Истинный с тобой, две дюжины дюжин — и ни медяком меньше! — уверенным тоном придавил меня. — Тоже

мне нашел, где и с кем торговаться, и так от тебя пока одни расходы и никакого прибытка.

— Согласен, — заверил его, прекратив наш короткий торг, хотя ощущение, что очень сильно продешевил и стоит торговаться дальше, так никуда и не исчезло.

— Хорошо, повторяй за мной слова огненной клятвы. — Питс посмотрел мне глубоко в глаза, как будто заглянул прямо в душу. — «Обещаю выполнить волю на благо и вернуть свой долг жизни Питисиниюсу Асиюсу или его наследникам в размере две дюжины дюжин золотых сиунов в течение своей жизни и жизни моих наследников, буде те у меня появятся, на чем призываю огонь силы свидетелем».

Повторил слово в слово сказанные им слова, а в самом конце Повелевающий резко хлопнул в ладоши, и по моему телу быстро пробежал снизу вверх самый настоящий огонь, хотя вокруг при этом только чуть-чуть похолодало. После произнесенных слов и странных спецэффектов я явственно почувствовал, что не смогу не сдержать только что данного слова. Действительно придется отдавать непонятные сиуны. И еще — сделать что-либо во вред этому «колдуну» точно не получится, пока окончательно не расплачусь с ним. Странные такие ощущения: вроде бы меня ничто не связывает, помимо обычных веревок, но тем не менее чувство реальной привязанности и ощущение взятого долга никуда не исчезает. Чертовщина какая-то, одним словом.

Тем временем чрезвычайно довольный произведенным эффектом колдун кивнул мне и продолжил разговор с утешительными нотками в голосе:

— Понимаю, две дюжины дюжин золотых — очень большой долг, практически непомерный для обыкновенного человека, ему их и за десять жизней не заработать, но я верю, для тебя он не станет вечным и не ляжет на твоих потомков. Ты же явный Повелитель сил, хоть глупый и нечистый, а потому сможешь расплатиться. Думаю, лет за десять вполне справишься, может, и раньше. Заодно и мне поможешь покинуть сие негостеприимное место.

«Ну ты и попал, друг Витя... — про себя думал я, — надо же, как тебя легко развели, причем самым банальным спо-

собом». Чувствовал же сразу, как тебя обманывают, и все равно повелся. «Такой суммы даже и за десять жизней простого человека не заработать», — сколько же это должно быть? И вроде как сама сумма относительно невелика, какие-то двести восемьдесят восемь золотых монет, те самые две дюжины дюжин. Вот и думай теперь о реальной покупательной стоимости местных денег. Однако теперь придется повиноваться, раз слово дал и странным огнем подтвердил. И еще требуется срочно разобраться со всей этой чертовщиной и спецэффектами. Что-то такое иногда сам чувствую, но чувства не дают и капли понимания.

— Меня, может быть, наконец развяжут, раз дал клятву? — решил как можно скорее вернуться к активной жизненной позиции. — А то никакого долга так и не смогу отдать, если буду тут валяться до скончания времен.

— Да, — кивнул мне довольный бородач, — сейчас придут мои слуги и приведут тебя в порядок. Конструкт подчиненной воли, помогающий тебе общаться, я тебе дарю, не снимай его, пока сам не освоишь языка в совершенстве. Не беспокойся, он совершенно безвреден, и его никто не увидит, пока он находится на твоей голове. И сорвать его силой можно только вместе с самой головой.

— Эм... хм... — начал было я что-то говорить, выражая свои серьезные сомнения, которые у меня вдруг возникли, но Повелевающий резко махнул рукой, прерывая мои попытки возразить.

— Говорю же, не беспокойся — это древний проверенный конструкт, их всего несколько штук осталось, хоть они и запрещены сейчас в королевствах, и всех его функций сейчас никто не знает, даже я, но каких-либо вредных проявлений от его ношения ни у меня, ни у кого-либо еще пока не наблюдалось. А без него ты не сможешь устроиться среди нас.

— Запрещены в королевствах... — Моя мысль зацепилась за часть фразы Питса. — А здесь, стало быть, можно?

— Здесь у нас как бы тюрьма, сынок, здесь все можно, — быстро сник бородач, сначала по-отечески глянув в мою сторону, а потом вовсе отвернувшись в угол. — Если ты все

же здесь выживешь, то сам будешь определять — что тебе можно, а чего нет. И еще непонятно, где больше свободы — с этой или с той стороны Черного перевала.

Озадачив напоследок своей непонятной фразой, он вдруг резко поднялся и вышел из комнаты, оставив меня одного.

Одиночество продлилось совсем недолго: в дверь юркнул уже виденный мной подросток со шрамом на лице, который быстро избавил меня от пут и ремней и стал стирать с моего тела покрывающую его липкую массу мокрой тряпкой, пропитанной каким-то резко пахнущим составом. Я смотрел на очищенную кожу и удивлялся все больше и больше. По всей поверхности тела распространялась странная картинка в виде великого множества тонких разноцветных линий, переплетающихся замысловатыми узорами, рисующими удивительные узоры. Сразу после очистки кожи они вспыхивали призрачным светом, как бы приподнимаясь над поверхностью тела, но через пару минут угасали, не оставляя после себя никакого следа. Подросток зачарованно следил за игрой светящихся линий, не в силах оторвать взгляда, и лишь после угасания узора на одной части тела начинал освобождать от слизи следующую.

— Что это такое? — спросил я его, совершенно не стесняясь показать свое невежество.

— Линии Эбусити, — не отрывая взгляда от мерцающей картины, ответил он. — Еще никогда не видел столь сложного и яркого рисунка после первой чистки, — продолжил он после небольшой паузы. — Да и после четвертой, последней, тоже. Ты, видно, действительно Великий Повелитель, раз столько Эбу проявилось в тебе. И еще не одного цвета, как у всех остальных, а целой радугой. Про такое раньше даже слышать не приходилось.

— А что все это значит? — переспросил я, ничего не поняв из его ответа.

— Спроси лучше потом у нашего Повелевающего мудростью, — задумчиво ответил он мне, продолжая свою работу, — он тебе растолкует, если будет в духе. Вообще-то он

очень не любит что-либо объяснять, помимо своих уроков, но тебе, наверное, расскажет, а я только запутаю.

В этот момент рисунок на моем животе вспыхнул особенно ярко и красочно, даже у меня из головы вылетели все лишние мысли, а юноша так и застыл с открытым ртом.

— Да, не зря Повелевающий отдал искателям целых два золотых за какой-то полутруп, — продолжил он после угасания красочной картины. — Он что-то увидел в тебе, хотя ты был практически мертв. И зря он говорит, что его заинтересовал исключительно твой мешок, ничего там ценного нет, я-то все видел — одни непонятные мертвые железки без единой капли вкраплений подчиненной силы. Хлам для мастеров по металлу на переделку ценой в пару серебряков. А вот ты сам — настоящая находка. И ведь не пожалел для тебя аж пяти «эликсиров жизни» — считай, еще один золотой выбросил. Только ты ему не говори, пожалуйста, о чем я тебе сейчас рассказал, — посмотрел он на меня с немного виноватым видом, — иначе мне крепко достанется.

— Хорошо, не скажу, — уверил я его. — Только расскажи, что произошло, как я к вам сюда попал, где вообще сейчас нахожусь, а то ничего не понимаю. Как будто по голове стукнули и всю память начисто отшибли.

А тем временем параллельно успел подумать — этот Питисиниус Асикус на мне очень хороший гешефт делает. Вложил три золотых, а хочет получить почти три сотни. Вот ведь жук-то шестилапчатый. Когда отдам ему эти жалкие монеты — тогда и поговорю с ним по душам. Ишь ты, сколько процентов чистой прибыли на одном бедном мне хочет поднять, даже если жизнь спас. Скромнее надо быть, батя, скромнее...

— О том, что произошло, я ничего не знаю. — Юноша, закончив обтирать мои ноги, перевернул меня на спину, начиная свой длинный рассказ. — В ближайших предгорьях прошла мощная волна блуждающей силы, и отряд искателей нашел тебя посредине «черного пятна» где-то среди топкого болота. Такие пятна иногда здесь появляются, но вот чтобы найти в них кого-либо живого — такого пока не припомню. Да, всякие странные и совершенно бесполез-

ные предметы там изредка находят, как правило, ничего ценного — мертвое железо, сорные металлы, плавленные камни, горячее стекло. Изредка попадаются обгоревшие трупы. Обычно искатели стараются обходить эти пятна, так как там люди плохо себя чувствуют и почти нечего брать, да и одежду марать жалко, чтобы по гари впустую лазать. Только время зря терять. Но тот отряд возвращался в город с пустыми мешками после опасной вылазки, спугнули их где-то — вот и заглянули наудачу. А там видят тебя посреди догорающих головешек, причем совершенно невредимого внешне, но едва живого. Спросишь — кому тут вдруг потребовался полутруп, чтобы его тащили на своем горбу аж два дня от тех мест до нашего города? Вот нашему Повелевающему мудростью как раз и нужен. Он регулярно покупает полумертвых искателей для своих экспериментов, если с них еще не лезут волосы от проклятия алхимиков. Некоторых, с относительно хорошей репутацией, даже иногда лечит, требуя с них потом приличный долг за спасение, но большая их часть служит делу его тайных знаний. Что он там с ними делает — лучше не смотреть. Впрочем, тем по большей части уже все равно терять нечего, если их коснулось проклятие или накрыло волной дикой силы. От медленного яда некоторых змей тоже спасения нет, и после укуса диких собак иногда случается огненная горячка. Хозяин немного поможет деньгами друзьям пострадавших искателей, и сами пострадавшие меньше мучаются и будут погребены по правильному обряду, как нормальные люди. А не как большинство глупых одиночек — останутся на корм лесным зверям. Понятно объясняю? — взял парень небольшую паузу в своем рассказе.

— Понятно, — кивнул я, хотя его рассказ только еще больше запутывал меня.

— Теперь расскажу, где ты сейчас находишься. О том, что мы в Смертных Землях, ты вроде как уже должен был и сам понять. Про них ведь все знают по ту сторону Черного перевала. Да, отсюда почти никто обратно не возвращается, граница надежно закрыта тремя воротами. Но там, в королевствах, мало кто знает, что тут тоже кто-то умудряется

жить. И вполне неплохо жить. Здесь даже три городка есть — Лесс, Титс и Юмаю. Вот мы как раз в Юмаю и живем, он самый дальний от перевала и самый большой. Главные здесь, естественно, авторитеты — бывшие по ту сторону перевала самые настоящие бандиты и разбойники. Ты же в курсе, кого сюда, в Смертные Земли, отправляют? Ну да, сложно этого не знать. Так вот, разбойничья старшина и стоит над всеми нами, у них и свои Повелевающие сил есть, и даже, говорят, настоящие Повелители, а потому против них лучше даже не чирикать — вмиг в землю закопают или что-то еще похуже сотворят, с них станется. Под авторитетами ходят бандиты поменьше и всякая городская шваль, которую отправили из королевств сюда. Ну и еще все те, кто сильно не понравился Слугам Истинного или был обвинен в касании запретной алхимии. Не знаю, как там у вас в королевстве, у нас можно было отправиться сюда просто за косою взгляд не в ту сторону, не говоря уже про не то слово не в те уши. Говорят, в столице Верховного Слуги Истинного нравы менее жесткие, но и там лучше не чирикать. Наш-то Повелевающий тоже кому-то сильно на ногу наступил, вот десять лет уже тут и сидит. А ведь раньше кафедрой в столичной Академии Сил заведовал, как некоторые говорят. Только лучше с ним на тему его прошлого не говорить, не любит он этого. Очень не любит.

Закончив говорить и отирать мою спину, юноша попробовал меня приподнять, но я облегчил его труды и поднялся сам. Хоть несколько суток был крепко связан и вообще до этого непонятно отчего чуть ли не издох, самочувствие было исключительно хорошим. Нет, марафона сейчас точно не пробегу, да и на турник лучше не вешаться, все же чувствуется явная слабость в мышцах, но тело убедительно говорило множеством ощущений о наличии необходимого минимума здоровья и сильной нужде в пище. И чем больше будет пищи — тем лучше. Слона бы съел, если они тут водятся. А еще неплохо бы ополоснуться — про джакузи с пузырьками и ароматной пеной на ближайшем сеновале лучше и не задумываться. Здесь такого, похоже, еще не изобрели.

— Где-то можно просто чистой водой облиться? — спросил юношу, который мне так еще и не представился.

— Вот, накинь на себя, — протянул он мне большое матерчатое покрывало, — и иди за мной.

Завернувшись в приятно облегающую тело ткань и выйдя из комнаты, где провел последние дни, я вдруг почувствовал резкий прилив сил, пришло ощущение какого-то веселого всемогущества и чего-то еще совершенно неправильного, резко ударившего мне в голову, отчего чуть не упал, едва ухватившись рукой за стену. Перед глазами замельтешили цветные всполохи, я практически перестал видеть окружающее. Вокруг резко похолодало, хотя до этого меня окутывал очень теплый воздух.

— Остановись, ну остановись же, — кто-то кричал мне прямо в ухо, при этом сильно дергая за руку.

Как остановиться, я, естественно, не понимал. Однако что-то внутри вдруг повернулось другим боком, и навалившиеся раньше странные ощущения неправильности отхлынули так же быстро, как и нахлынули на меня. Так и продолжая стоять, держась рукой за стену, отстраненно наблюдал, как юноша дергает мою другую руку и что-то кричит. В глазах постепенно утихало буйство тонких линий и ярких красок, но окружающий холод так никуда и не исчезал. Опустив голову, я заметил легкую изморозь, выпавшую вокруг меня.

— Никогда, никогда не делай так больше, — наконец-то расслышал крик юноши с перекошенным от ужаса лицом, — ты нас сейчас чуть в камень не выморозил. Чего хоть сделать-то хотел? — Он посмотрел на меня чуть более осмысленным взглядом, немного успокаиваясь и явно удивляясь, наблюдая мой совершенно растерянный вид.

— Не знаю, — меланхолично пожал я плечами, пытаюсь как-то разобраться в пережитых галлюцинациях и в их чувствительных последствиях. — Нашло что-то такое, что-то совершенно неправильное было во мне, а теперь стало хорошо.

И только сказав это, ощутил заметное улучшение собственного тонуса, как будто вернул себе обратно утраченное

за последние дни. Не то просто здоровье, а какое-то немного необычное чувство собственного достоинства. Даже желание отдавать долг жизни этому хитрому жуку Повелевающему куда-то пропало, как будто ничего такого и не было вовсе.

Стоило о нем только подумать — он сразу же и нарисовался перед моим взором, как-то нехорошо оглядывая меня с ног до головы. Даже некоторая опаска проскальзывала на его морщинистом лице.

— Зайди ко мне немедленно, — показал он рукой на открытую дверь в другую комнату, откуда лился золотистый солнечный свет. — Только не делай ничего, — с нотками плохо скрываемого страха в голосе добавил он.

— Да и так ничего не делаю, — отмахнулся я от него, — просто сам еще не знаю, что со мной происходит.

Едва за нами закрылась дверь, Повелевающий мудростью несколько раз взмахнул руками, опять заметно снизив температуру окружающего воздуха. Затем он сел в большое кожаное кресло, указав мне на другое. Пожав плечами, я сел в него, плотнее укутываясь в покрывало, так как было совсем не жарко — скорее, наоборот.

— Ты хоть понимаешь, что творишь? — Бородач сразу взял с места в карьер, озадачив меня вопросом, на который я и сам с большим удовольствием узнал бы ответ.

— А что, если не секрет? — хитрым вопросом на вопрос парировал его напор с самым невинным выражением на лице.

— Ты с поразительной легкостью сам стер свою огненную клятву, а это ведь всегда считалось совершенно невозможным, и что-то еще провернул вдобавок, чего и вовсе никак не могу понять. И теперь еще спрашиваешь меня о том, что же ты делаешь. Ну, наглец, какой наглец... — Повелевающий мудростью явно стал заводится, и его лицо приобрело заметный красноватый оттенок.

— Не знаю, оно как-то само собой получилось, — меланхолично пожав плечами, ответил я ему, не меняя невинного выражения лица. — И еще холодает резко почему-то. Сна-

чала было тепло, а потом вдруг раз — и изморозь выпала. Откуда и с чего — в толк даже не возьму.

Я говорил вполне искренне, совершенно не фильтруя своей речи, вываливая наружу поток скачущих мыслей. Не знаю, как работает странный артефакт на моей голове, но у меня возникло четкое ощущение — все сказанное мной воспроизведено и понято исключительно верно.

Слушая же меня, колдун выглядел весьма озадаченным, на его лице читалось сильное бурление мысли в черепной коробке, результаты которого едва не начинали течь через все лишние дырки. Через пару минут размышлений он все еще удивленным взглядом осмотрел меня и опять спросил:

— Ты и вправду ничего не знаешь про Повеление силами, хотя с поразительной легкостью занимаешься именно этим?

— Нет, — покачал я головой в разные стороны, выражая настоящее удивление.

Ибо кое-что из сказанных слов до меня начинало постепенно доходить. Пусть даже не совсем так, как оно должно быть, но уже то, что как-то доходило, рождало сильную эмоциональную реакцию, так как выходило за все рамки моего привычного мировосприятия.

— И откуда же ты такой взялся на мою голову! — Мой собеседник задумчиво перевел взгляд с моего лица на большой круглый стол, где стоял графин из резного цветного стекла и несколько таких же изящных стаканчиков. — Буюло пить будешь? Настоящий буюло, прямо из самой столицы, — неожиданно спросил он, сбивая меня с мысли, которая уже начала связывать между собой разрозненные наблюдения всех странностей последнего времени.

Махнул рукой — мол, давай наливай, — хотя само слово «буюло» для меня ничего не значило. Но если аж из самой столицы, то тогда ладно.

Повелевающий неохотно встал со своего места, открыл графин и разлил в два стакана жидкость темно-красного цвета. Немного, граммов по сто пятьдесят, не больше. Один стакан он протянул мне, а со вторым плюхнулся в свое кресло, поджав под кресло ноги. Отхлебнув совсем маленький

глоток приятно пахнувшего напитка, я вдруг обнаружил, что он мне знаком. Это же обычный глентвейн, который мы часто варили во время выездов на природу или после зимних походов на лыжах. Только здешний глентвейн был чуточку крепче, чем наш, примерно градусов двадцать, да и холодный при этом. Мы-то привыкли пить его теплым и даже горячим.

— Хорошее буюло? — спросил меня бородач, тоже отхлебнув пару небольших глотков.

— Угу, — тихо буркнул я в ответ, — только мы у себя пьем его теплым, да и называется он у нас иначе.

— Ладно, — Питс вдруг резко посерьезнел, — если ты и вправду не знаешь о Повелении силами, то совершенно не понимаю, как ты мог дожить до своего возраста с такими могучими задатками. Первое время даже подумал — ты где-то там у себя на вулкане окончательно доигрался огненными силами. Или Смотрящие в Небесах швырнули тебя сюда в наказание за какие-то особые проступки. Только они с Великими Повелителями справиться могут. Но теперь и эта версия растаяла без следа. Кто ты и откуда? Может, с дальнего холодного материка первых истинных королей Мистиса? Скажи, если можешь.

Что мне ему сказать-то? Мол, ты всего лишь галлюцинация моего собственного воображения, плод фантазии большого мозга, попавшего под удар от взрыва? Или просто какой-то кошмарный сон? А ведь тут все выглядит так по-настоящему, себя щипаешь — больно. И рад бы прямо сейчас проснуться, но как? Неужели это действительно другой мир? Вот оно какое, Зазеркалье, «здравствуй, Алиса, — это Пудинг, здравствуй, Пудинг, — это Алиса». Сидит тут перед тобой такой бородастый «пудинг», вопросы странные задает. А с другой стороны, если это и сон, можно просто спокойно наслаждаться им, ведя себя естественно. Пусть будет что будет, и была не была...

Вздохнув полной грудью, собрав всю свою волю, расправив плечи и придав лицу максимальную серьезность, как бы подчеркивая торжественность момента, я решительно заявил:

— Я из другого мира, дядя!

Глава 3

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я — ИНОМИРЯНИН!»

Если я думал как-то особо удивить своим заявлением Повелевающего мудростью Питисиниюса Асиюса, то весь мой грандиозный запал пропал зря. Мое выступление не произвело на него особого впечатления, хотя некоторую повышенную задумчивость явно вызвало.

— Что ж, — заметил он после продолжительной паузы, в течение которой его стакан опустел и вновь был наполнен красной жидкостью, — именно этого я больше всего и боялся. Боялся, что когда-либо увижу своими собственными глазами настоящего Посланника. Мне снились кошмары, да и вообще плохо спалось, я терял силы и концентрацию ума. Коллеги тогда смеялись над моими страхами — лучше бы никому о них и не рассказывал. Оставалось лишь смириться, проведя трудный ритуал очищения внутренней силы через долгую боль. И когда уже смиряешься со своим страхом, он действительно перестает пугать. Да и вообще уже не вызывает волнений духа, но оставляет желание понять. На этом пути меня поджидали новые неприятности, ибо все, касающееся Посланников, лежит под строжайшим запретом. В навечно запрещенном свитке Истинного Знания есть такие слова: «Да придут к нам Посланники со своим миром на плечах, и будут великие потрясения на землях и в небесах от взгляда их холодных глаз, через них будет смотреть на нас сам Истинный. И произойдет суд всех живущих на земле по суровой Воле Его». Всеми Проклятый Алхимик тоже пришел откуда-то со своим миром на плечах. И наше нахождение тут сейчас — отчасти именно его заслуга. Столько всего плохого произошло из-за его появления, столько крови пролилось, столько жизней ушло в бездну. И продолжают уходить сейчас по Воле Его. Теперь еще явился ты, а я, вместо того чтобы бросить тебя сразу в огонь, выходил на свою голову. И не только на свою, ты же теперь не остановишься. Да и останавливать тебя совсем не хочу — скорее, наоборот. Может, именно ты сумеешь отомстить за всех, кто... — Так и не договорив до конца последней фразы, он

остановился с поникшим взором, припадая к своему стакану и опустошая его одним большим глотком.

— Не знаю, — задумчиво ответил ему, — пока вообще ничего не понятно. Ваш мир для меня чужд. Чувствую себя рыбой, выброшенной из родной водной среды на берег. Могу высоко прыгать, сильно ударяя хвостом о камни, но куда двигаться и как дальше жить — не знаю. Даже с нормальным дыханием, похоже, большие проблемы. Обо всем написанном в ваших запретных свитках я не хочу ничего знать! И тем более кому-то там мстить — даже не собираюсь.

— Против Воли Истинного ты все равно не сможешь пойти, раз уж оказался среди нас, — совершенно спокойно заявил мне колдун, теребя рукой свою длинную бороду. — Если Ему так было надо — значит, ты просто исполнишь свое предназначение. Что оно принесет миру — покажет самое ближайшее время. И я буду не я, если сейчас не помогу тебе осознать и принять свой высший долг. Возможно, из-за этого тут десять лет и сижу, ожидая милости Лордов, которой нет и никогда не было. Но и ты попробуй вернуть мне свой долг жизни, хоть уже и избавился от своей клятвы. Так будет справедливо и правильно в глазах Истинного. Эта самая малость поможет обрести тебе свою дорогу к великой цели, выступив своеобразной проверкой сил.

Вот ведь хитрец-то какой, а? Какого-то там «Истинного» к делу приплел — мол, вся воля его, да судьба всякая, от которой не уйти и не уехать, — а сам лишь о монетах думает. Знает ведь — «золотая рыбка» удачно соскочила с его крючка, — теперь вот сидит, прикидываясь невинной жертвой обстоятельств, и мозги мне полощет. И выглядит внешне так, как будто все действительно всерьез. Но и я что-то такое чувствую. Искренности в нем ни на грош, один голый расчет. Если сейчас не пойду за ним, то, независимо от дальнейшего расклада, плакали его денежки, которые он уже в меня вложил. И ведь он собирался как минимум вернуть их обратно, а то и получить столько, сколько тут за одну жизнь некоторые не зарабатывают. Помню ту странную силу, которая толкала меня на непременно выполнение

бездумно взятых обязательств. Интересно, как он смеялся про себя, когда я так нелепо торговался с ним, типа не три дюжины, а всего-то полторы? В итоге договорился на целых две — да, несомненно, великое достижение. А теперь, когда уже я немного лучше представляю здешние условия и у него нет возможности меня обязать, начинаются странные речи о каких-то судьбах миров, великом долге и прочей высокопарной ерунде. Деньги — вот это его сейчас реально беспокоит, а все остальное — муть. Может, и есть в ней какая доля правды, но вот какая? Малая да мелкая. Впрочем, а что потеряю, если сейчас что-либо пообещаю ему? Все равно сейчас у меня нет никаких денег, и пока даже не догадываюсь, где их можно взять, чтобы сразу рук не пообрывали. А когда они будут — тогда уже и разберусь с этим хитрецом. Раз имеется большая потребность в достоверной информации о здешнем мире, мне тут могут ее вполне добровольно выдать, в некоторой надежде на возможную прибыль в будущем. Значит, в эту увлекательную игру «кто кого больше надует» можно запросто поиграть и вдвоем.

— Не спорю... — так же спокойно попытался вернуть ему призрачную надежду, — как говорят у нас, «будет время — будут деньги, будут деньги — будем думать». Пока здесь окончательно не освоюсь, вряд ли смогу вернуть долг. И только с твоей помощью, а за реальную помощь всегда отблагодарю — есть у меня такое личное правило.

От моих расплывчатых слов и призрачных обещаний Повелевающий мудростью заметно повеселел. Видимо, они попали именно туда, где им было самое место в его мелочной и алчной до золота душонке.

— Очень правильно, что ты меня так хорошо понимаешь, Витос, — бодро подхватился бородач, — нам стоит о многом еще сегодня поговорить, но позже. Сейчас тебе требуется закончить телесные процедуры, переодеться в свою странную одежду — да, я ее вычистил от гари и грязи своими силами, помни о моей заботе, — разобрать свои вещи, они находятся там же, где ты уже сегодня был, это теперь твоя комната. После у нас ожидается прием пищи, ты в ней так сильно нуждаешься — твой организм еще слишком слаб,

чтобы бездумно хвататься за силы по своим мелочным желаниям. Иди прямо сейчас, до обеда у нас не так много осталось времени.

Медленно поднялся из кресла, допив одним глотком остатки глинтвейна. Для моей массы такое количество алкоголя, по идее, станет не очень заметным, хотя, если учесть полнейшую пустоту желудка и нахождение организма не в самом лучшем виде... Словно подтверждая мысли, меня сильно повело в сторону, и, едва устояв от возникшего головокружения, я сделал два неловких шага к двери. Постоял там с минуту, держась за косяк. Настроившись на измененное восприятие отравленного мозга, потянул ручку двери на себя, и та свободно раскрылась передо мной, куда опять чуть не свалился, едва сохранив равновесие. За дверью терпеливо дожидался юноша с отрешенным видом на изуродованном шрамом лице и с четками в руках. Заметив меня, он схватился за мою руку и потащил меня из дома на улицу, где сразу повеяло летней жарой и потянуло не очень приятными запахами гниющих отходов. В доме же был на удивление чистый воздух. Опять чуть было не запутался в своих ногах от ударившего в голову алкоголя, но устоял и сумел доковылять до места приема водных процедур.

Под прохладным душем из дырявого днища большой бочки, стоявшей под потолком в ветхом сарае, меня немного отпустило. Как пришло быстрое опьянение, так же быстро оно и ушло. Только вместе с ним пропало и ощущение той странной силы, которая наполнила меня сразу после того, как вышел из комнаты, где меня держали заперти. Я больше не чувствовал легкого дрожания теплого воздуха, готового в любой момент отдать свою зыбкую силу для реализации моих желаний. Только потеряв эти странные ощущения, наконец-то понял, что они у меня действительно были и это совсем не галлюцинация. Судя по всему, алкоголь подавляет какие-то особые способности организма, позволяющие влиять на реальность непосредственной силой мысли, забирая при этом тепло из окружающего воз-

духа для осуществления работы. Закон сохранения энергии и тут не обманешь, эх. Станный мир, и странный в этом мире я. Откуда все это? Неужели — магия, как у нас называют нечто подобное? Ладно, или сам разберусь по ходу дела, или кто-то объяснит. Тот же колдун, к примеру, хотя особой надежды на него нет.

А ведь все же сумел меня еще раз одурачить этот Пове-левающий мудростью. Взял и лишил того, что его так сильно испугало. Сам тоже ведь пил, гораздо больше меня, но кто его знает, может, у него противоядие есть или привычка к алкоголю давно выработалась. Было совершенно незаметно, чтобы выпитое буюло как-то мешало ему колдовать. И на какой срок пропали мои новые возможности — до полного выветривания алкоголя или насовсем? Как пришло, так и ушло, даже и не знаю — радоваться по этому поводу или печалиться. Теперь ощущаю себя именно тем, кем всегда и был, без всякой этой зыбкой магической непонятности.

На обратном пути более внимательно рассмотрел дом Питисиниуса, чтобы примерно оценить общий технологический уровень здешней цивилизации. Хотя уже по всему виденному и слышанному можно сделать определенное заключение — до нас им еще очень далеко, даже если учитывать магию и все остальное. А конкретный дом может запросто претендовать на весьма достойное место и в нашем мире. Он лишь поначалу показался мне деревянным из-за внутренней отделки, но снаружи стало очевидно — это далеко не так. Стены сложены из чем-то хорошо обработанного камня, гладкого снаружи и пористого внутри, но при этом достаточно крепкого.

Крыша покрыта золотистой черепицей, а в широких окнах с закрывающимися массивными ставнями вполне приличное идеально ровное стекло. Не стеклопакеты, понятно, но и не те маленькие рамы, как в старинных углых домиках наших деревень Нечерноземья. Внутреннюю площадь дома можно примерно оценить в сто — сто двадцать квадратных метров. Прихожая, коридор, кухня и несколько комнат — вполне уютный коттедж. Да, без электрического света и во-

допровода, все «удобства» исключительно во дворе, но тем не менее. Я бы, наверное, выстроил себе жилище этажа в два, но, может, тут просто так не принято. Можно однозначно сказать — наш Повелевающий совсем не бедствует, раз может позволить себе такие «барские хоромы». А вот окружающие хозяйственные постройки уже сильно напоминают наши старые деревни. Сортир-скворечник из какой-то травяной плетенки и с прогибающимся под весом посетителя полом, заметно помогающим расслаблению, кособокие сараи, небольшой запущенный огород, заросший сорными травами, и забор из тонких жердей вокруг всего этого хозяйства. Рядом виднеются похожие соседские строения, только крыши из черепицы другого цвета. Машин и асфальта не наблюдается, и, судя по долетающим до моего носа запахам свежего навоза, здесь используют исключительно тягловую скотину.

Насмотревшись и нанюхавшись вдоволь, проследовал внутрь, в ту маленькую каморку, где мне выделили гостевое место. Однако за время моего отсутствия она претерпела заметные изменения. Во-первых, появился дневной свет вместо чадающих масляных ламп, так как оконные ставни теперь были широко раскрыты. Во-вторых, моя лежанка, к которой я был прежде привязан, превратилась в настоящую кровать с матрасом, подушкой и даже легким одеялом. Значит, прямо сегодня меня не собираются выгонять, поживу еще немного тут. В-третьих, сильно изменился воздух в комнате. Он был прохладен, заметно холоднее уличного, и при этом пах скорее горной долиной с цветущим разнотравьем, а не всем тем деревенским уличным амбре. Интересно, как тут умудряются так делать, вроде бы серьезной климатической установки не видно, однако результат ее работы налицо. Опять магия?

И в последнюю очередь внимание опустилось на мою собственную одежду, в которой был до момента провала сюда, а также на большой рюкзак, стоящий около кровати. Рядом с одеждой на маленьком столе лежал автомат без магазина и пистолет в кобуре. Чуть в стороне — нож в ножнах.

Глава 4

СУДЬБА ИЛИ НЕ СУДЬБА? ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС...

Вот теперь сиди и думай о той самой судьбе и каком-то таинственном предназначении. Иначе трудно трактовать странное совпадение множества разнообразных фактов. Складывается впечатление: чуждая сила терпеливо дождалась моей полной готовности к серьезной автономке во враждебном краю — и только потом закинула сюда. Судьба выбрала момент, когда я направлялся на стрельбище сразу с несколькими целями одновременно, что сказалось на содержимом рюкзака в сторону его наполнения всяким полезным добром. Причем, по привычке последних лет, перед стрельбой обязательно следовал короткий марш-бросок для разогрева в полной выкладке и с типичным грузом за спиной, полоса препятствий, а затем тактический тренажер в виде набора полуразрушенных строений. Наш начальник, тот самый хитрый полковник, пару раз в неделю вместе со всем рядовым составом там работал. И потому отлынивать от обязательных армейских напрягов оказывалось просто нереально, независимо от твоей занимаемой должности и прочих обстоятельств. Если Сам козленочком по полосе препятствий скачет — то и ты изволь уложиться в норматив, иначе он тебе обязательно что-то особенное придумает, потом трижды пожалеешь.

И стоит теперь благодарить кого-то там, чтобы ему совсем пусто было, за попадание сюда не голым, к примеру, с одной ложкой прямо из столовой, или вообще со спущенными штанами из туалета, а с хорошим набором полезных для жизни вещей и еще настоящим боевым оружием. Хорошая такая «случайность», в которую сложно поверить. Даже патронов полный нераспечатанный цинк, специально его на стрельбище в рюкзаке тащил, новый автомат пристрелять и понять, стоит ли с ним дальше разбираться или вернуть все назад. Буквально за день до катастрофы нам заменили привычные сто четвертые короткие «калаши» на это странное изделие ковровских оружейников — АЕК. На пер-

вый взгляд — тот же самый «калаш», но какой-то немного замудренный. Газоотводная трубка стала заметно длиннее, теперь там не один поршень, а два. Хотя, примериваясь к новому оружию, сразу отметил заметно возросшее удобство и большую общую продуманность, один выдвигной приклад и флажковый переводчик режимов огня многого стоят. Но пока из него еще не стрелял, потому окончательной оценки не дам. Именно за этим и ташил на своем горбу столько патронов, а это лишних двенадцать кило к обычным тридцати трем. Полковник вчера сказал — надо бы проверить реальной эксплуатацией новые «машинки», так как армейские почему-то от них воротят носы, и потому их выпустили малой партией, а потом вообще свернули производство. То ли в самих «машинках» что-то не так, то ли армейским чинам откат слишком маленький предложили, но полковнику само оружие понравилось, и он взял небольшую партию на проверку у нас. Теперь же придется испытывать это изделие совсем в других условиях магического мира, и еще даже не представляю каких. Интересно, здесь хоть порох-то сработает? Лучше бы сработал, а то совсем грустно с одним ножом-то будет.

Итак, проведем инвентаризацию, хорошенько разобравшись, что мы имеем на текущий момент? Оружие — новый необстрелянный автомат — одна штука, боеприпасов к нему — один цинк на семьсот двадцать обычных маслят калибра 7,62 и еще четыре набитых магазина трассеров, взятых для пристрелки на дальнюю дистанцию, — еще сто двадцать штук. Можно было бы сказать — много, но если учесть прискорбный факт, что здесь патроны пока еще явно массово не выпускают, — это количество не более чем капля в море. Чуть больше двух боекомплектов — в общем, практически ничего. Еще есть пистолет ГШ-18. Мне он не особо нравится, хотя и очень удобный, с вместительным магазином, но чего-то в нем не хватает. Спросишь — чего? — сам не скажу, просто ощущение от него остается немного двойное. Вроде бы все на месте, и сделано с умом, рукоятку вообще не хочется отпускать, но стрелять приятнее из другого оружия. Отдача у него как-то непривычно резко-

вато бьет по руке. Зато серия выстрелов достаточно плотно ложится в мишень. Даже в самый первый раз расстрелял весь магазин не дальше «семерки» с двадцати пяти метров. Скорее всего, дело просто в привычке — если бы не большой опыт и хорошо набитые другими стволами руки, было бы все нормально. Да и выбирал именно этот ствол все равно совсем по другим критериям. Основным преимуществом ГШ из всего прочего, присутствующего у нас на вооружении, — исключительно малый вес. Раз положено постоянно при пистолете быть — вот и выбирал чего полегче, все же не рядовой состав. Тому выбирать и вовсе не приходится: какое выдали оружие — такое и таскай, пока не потребуют сдать. А выдавали им у нас «грачи» (пистолет Ярыгина), они заметно тяжелее ГШ. Не очень-то приятно постоянно килограмм пистолета и боеприпасов на себе везде таскать, там даже какие-то сто граммов играют роль той самой проходной планки психологического комфорта. Но теперь уже выбирать будет не из чего. Патронов к пистолету немного. Три обоймы усиленных и пять коробок простых, взятых на стрельбище для тренировки личного состава. Чуть больше трех с половиной сотен. В общем, не из чего, однако на первое время хватит, если постараться экономить, а когда кончатся, буду думать. Раз здесь магический мир, возможно, какие-то боевые артефакты есть. Или же придумаю, как сделать патроны. По идее, там ничего нет сложного, кроме организации по-настоящему массового производства. Но с мелкой серией для себя лично вообще никаких проблем, получить порох и капсюльный состав на имеющейся технологической базе вполне реально, металл тут тоже давно обрабатывают.

Так, нож оружием можно не считать. Как говорил полковник: «Нож нужен исключительно для открывания консервных банок; если в бою дело дошло до ножа, то боец сначала где-то потерял автомат, затем «прогулял» пистолет, утратил гранаты и саперную лопатку — короче, не солдат, а растяпа». Тем не менее нас постоянно гоняли на тренировках по борьбе именно с ножами. Как противостоять ножу с оружием и без, как нападать с ножом на вооруженного че-

ловека... со стороны только кажется, что нож — это бесполезный в бою предмет. А на самом деле в некоторых ситуациях он куда удобнее пистолета, если уметь пользоваться, конечно. И нас учили всем этим премудростям — сам полковник показывал хитрые приемы и заставлял всех своих подчиненных постоянно их отрабатывать. Мои отговорки — мол, на мне висит именно технический отдел, а не группа по захвату террористов, — за аргументы никогда не принимались. Наоборот, после таких заявлений уходил с тренировок с повышенной концентрацией синяков. Полковник возражения не по делу принимал только в физической форме. Сумеешь его забороть на тренировке — тогда и будешь прав, а если не сумеешь — делай что говорят и молчи в тряпочку. Ох, чувствую, пригодится мне тут его наука. А ведь там считал все это обычной блажью. Хотя тренироваться было действительно интересно — когда в этот процесс полностью втянулся и постепенно дорос до инструктора, пользуясь наличием свободного времени, которое некуда было девать.

Имеющуюся саперную лопатку тоже записываю в условное оружие, как и нож. Наточена она правильно, можно копать, можно рубить, некоторые навыки, как это правильно делается, у меня есть. Но нужно подумать о чем-то более удобном, типа мачете. У Питса в комнате, когда мы пили буюло, мельком отметил небольшую коллекцию холодного оружия, висящую на стене. Пара коротких мечей, арбалет, хороший боевой топорик с длинной ручкой. Внимательно, естественно, не рассмотрел, но отметил наличие. По всему слышанному и виденному — мирной жизни тут явно не ожидается, скорее, даже наоборот. Если в этом мире в ходу именно холодное и метательное оружие, то на первых порах у меня будет заметное преимущество с моим огнестрелом, а после придется или переходить на холодняк, как все, или делать новые боеприпасы. И что получится проще — еще тот вопрос без готового ответа.

Из защиты присутствует легкий бронежилет последней разработки отечественных специалистов. Там не просто кевларовое волокно и керамические пластины, а какая-то

новая наноткань, сильно напоминающая паучий шелк вкупе с каким-то армированным пластиком, по крепости не уступающим титану и керамике, зато легче них раза в три. Да еще с мелкими порами в пластинах, благодаря чему те воздух через себя хорошо пропускают. Потому сам бронежилет вполне пригоден для постоянного ношения даже в жарком климате. Точных сведений о примененных в нем материалах нам не дали, а разламывать и проверять самостоятельно — категорически запретили. Секрет-с, экспериментальная модель, опять где-то подобранная полковником специально для проверки. Пистолетную пулю он точно выдержит, даже усиленную, судя по обещаниям, про бронебойную автоматную ничего не скажу. Хотя производители и обещают настоящие чудеса, но при мне его не обстреливали.

Броник лежал в рюкзаке сверху, так как я смухлевал и не надел его при пробежке: и так слишком жарко было, но без него лучше не соваться в тактический тренажер, иначе потом замучаешься считать синяки. И еще в комплекте к броннику шел легкий шлем американского производства, для нас нештатный, совершенно никакой по защите — ну, не верится мне во все то, что там в рекламных проспектах пишут, хотя для тренировок вполне годится, раз у нас не война, а маневры. Зато от него не так сильно шея устаёт, как от наших штатных «сфер». Пластиковые наколенники, налокотники, защита ног, натовские ботинки с титановыми вставками. В общем, полный фарш, все, что требуется... для тех же усиленных тренировок в тактическом тренажере, где боевыми патронами, к счастью, не стреляют. Зато получить резиновую пулю из гражданского травмата в незащищенную часть тела — плевое дело, если щелкать клювом. Потому дураков лезть без полной защиты в тренажер среди наших бойцов не находилось. И как это мне поможет тут — не знаю, не знаю. Опять же что-то иметь лучше, чем не иметь ничего. Может, здесь у народа полный рыцарский доспех в ходу? Или какие-то особенные защитные магические артефакты? Юноша говорил о том, что ничего ценного у меня не увидел — мол, ни капли силы в непонятных мертвых железках. Так-то оно, может, и так, только чего-либо другого

пока не ожидается. Как разживусь чем-то полезным — тогда и разговор будет.

Фонари три штуки разных, всегда в рюкзаке живут, две малогабаритные рации с дополнительными батареями, не наши, а американские, правда, китайского производства, зато легкие и немного доработанные нашими умельцами, моими непосредственными подчиненными. Зарядник к ним для сети и машины — интересно, где бы их тут взять, дабы запитаться? Хотя простейшую гальваническую батарею из любого органического мусора сварганю, был бы металл, потому не буду считать электрические приборы одно-разовыми, годными, лишь пока хватит имеющегося заряда батарей. Бинобль обыкновенный, армейский, прибор ночного видения, далеко не самый лучший и новый, конечно. Тоже не отечественное производство, а подарок от американской военщины. Оптика ПСО к автомату в чехле.

Вытряхиваю из рюкзака последние остатки. Армейская аптечка, стимуляторы оттуда, естественно, изъяты, зато добавлены антибиотики и прочие полезные на все случаи жизни лекарства. Хорошо бы все это здесь не пригодилось. Впрочем, тут своя собственная медицина, меня какими-то там «эликсирами жизни» поили, и теперь прямо как огурчик — весь зеленый и в пупырышках. Ладно, проехали.

Теперь самое ценное, помимо оружия и патронов, моя личная гордость, много лет собирал — походный набор инструментов для ремонта. Причем как для всякой механики, так и электрики с электроникой. Немного самых популярных запчастей, предохранители, провода, припой. Пять с половиной кило веса, но если этот набор случайно не присутствует в моих вещах при дальних путешествиях — чувствую себя совершенно неполноценным человеком. Сколько раз уже помогал как в работе, так и в быту, не сосчитать. Тащил с собой, чтобы кое-что подкрутить на стрельбище. Там машинки подъема мишеней периодически отваливаются от командного блока, приходится регулярно чинить самому. Один раз поднапряг своих подчиненных — так пришлось за ними все переделывать. Не у всех людей под моим началом руки растут из правильного места, и не всех заставишь ко-

вырваться в земле, добросовестно перекладывая старую проводку. Особенно кого-то из тех, у кого они из правильного растут.

Так, теперь остались еще походные бытовые принадлежности, зажигалка, пила-цепочка. Маленький чайный помятый котелок, потертая миска, кружка со следами костровой копоти, вилка и ложка, все из алюминия для снижения веса. А если сильно помнутся в дороге, то и выбросить не жалко. Много места этот скарб не занимает, потому всегда болтается в рюкзаке просто на всякий случай. Комплект запасной одежды в герметичном пакете, бритвенный станок, маленькая фляга с медицинским спиртом, пара бутылок питьевой воды в карманах рюкзака для быстрого изъятия. Вот и все барахло, всем весом в половину моего собственного. И ведь дотащили его вместе с моей тушкой хитрые искатели, ничего себе не пригрев. Перерыли шмотки — это понятно, но не взяли ровным счетом ничего. Даже зажигалка и презервативы на месте. Судя по всему, никто тут не догадывается, зачем они вообще нужны. Вообще-то большинство людей из моего мира тоже не догадаются, зачем они требуются военным в изрядном количестве. Просто им не приходится бегать по пыли и потом вычищать ее из автоматных стволов. Радовало полное отсутствие интереса у местных к моим железкам. На привычное для них оружие тоже ничто не походило, разве автомат может немного смахивать на арбалет. Пружина внутри есть, прицельные приспособления имеются, только стрел нет. Да и слишком слабая там пружина затворной рамы, куда ей до силы арбалетных плеч. Будь вставлен магазин — еще смогли бы случайно разобраться, но рожки лежали отдельно в рюкзаке, методом тыка не дойдешь до понимания назначения сего странного агрегата, если специально не знать. Пистолет тоже надо уметь взвести. Хоть в нем и полный магазин, но патрона в стволе нет, нажимай спусковой крючок, не нажимай — толку не будет. Остальное опять же ни туда ни сюда, да еще без этой самой «силы», которая для местных много значит. С другой стороны, Повелевающий, как говорят, за весь комплект вместе со мной золотом расплатился, немалые деньги выложил.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1</i> . Попал, однако	6
<i>Глава 2</i> . Сон	8
<i>Глава 3</i> . «Здравствуйте, я — иномирнин!»	31
<i>Глава 4</i> . Судьба или не судьба? Вот в чем вопрос...	37
<i>Глава 5</i> . Первое знакомство с историей мира, куда я попал	44
<i>Глава 6</i> . Первый поход	81
<i>Глава 7</i> . Странный сон	91
<i>Глава 8</i> . Сон и явь	95
<i>Глава 9</i> . Ближайшие к предгорьям леса в двух днях ходьбы от города Юмаю	105
<i>Глава 10</i> . Город	144
<i>Глава 11</i> . Авторитет Сом и другие	154
<i>Глава 12</i> . Старый знакомый по имени Питс	197
<i>Глава 13</i> . Второй поход	209
<i>Глава 14</i> . Второе возвращение в город	265
<i>Глава 15</i> . Поход в одиночку	277
<i>Глава 16</i> . Черный перевал	292
<i>Глава 17</i> . Обратная дорога	323
<i>Глава 18</i> . Новый авторитет	346
<i>Эпilog</i>	406